

Кому на селе живь хорошо?

Летом 2013 года, проехав по проекту Русского географического общества из Петербурга в Москву по маршруту А.Н. Радищева¹, мы с коллегами были поражены тем, насколько актуально звучат слова Афанасия Фета, написанные 150 лет тому назад: “Привыкшие в столицах к громадному непрестанному движению капиталов не хотят понять, каким образом целая необъятная местность без различия сословий в продолжение месяцев сидит без копейки”². А как географов нас удивили огромные контрасты сельской местности, расположенной между двумя столичными городами: от убогих деревянных изб с печным отоплением до шикарных коттеджей, от заброшенных полей, заросших борщевиком выше роста человека, до блестящих на солнце корпусов новых животноводческих комплексов. И все это на сравнительно небольшом пространстве. Что же говорить о разнообразии всей России.

В последние годы понимание России нередко сводится к разделению ее на крупные агломерации и “все остальное”, включающее сотни малых городов вдали от больших, сельскую местность, неосвоенные территории. В результате растущей концентрации населения и экономической деятельности в агломерациях на все остальное не хватает ни людей, ни финансов, за исключением территорий с запасами нефти, газа и других стратегических ресурсов. Но это “остальное” пока существует! Более того, в 788 малых городах с населением менее 50 тыс. человек живет 16 млн человек³. Более половины этих городов

испытывают глубокую экономическую депрессию. В 1192 поселках городского типа (ПГТ) живет еще 7 млн человек.

В сельской местности, которую по довоенной и советской привычке часто воспринимают как сельскохозяйственную — хотя это уже далеко не так, — обитает 38 млн человек. Вместе с малыми городами и ПГТ это около сорока процентов населения России.

Вне городов и ПГТ разнообразие тоже велико. Даже в европейской части России муниципальные районы с плотностью менее одного сельского жителя на кв. км занимают четверть ее территории, а с плотностью 1–5 человек — еще 31%. То есть более чем на половине территории относительно освоенной Европейской России крайне рассеяно живут 3,5 млн (12% ее сельских жителей). Еще 23% селян живут в районах с плотностью 5–10 человек на кв. км. Плотность населения более 20 человек на кв. км, обычная для многих европейских стран, характерна в муниципалитетах лишь на 7% территории Европейской России и для 32% ее сельского населения.

Нужно ли бороться с увеличением концентрации населения в отдельных очагах и ареалах? Или, выбрав точки роста, сосредоточиться на них? Но что делать с остальной огромной территорией?

Для ответа на эти вопросы надо хотя бы понять: из чего складывается региональное разнообразие сельской местности? Где и как живет в ней население? Для этого придется кратко обратиться к истории.

Российская урбанизация и сельская местность

По мнению Б.Н. Миронова, с конца XVII века урбанизация волнами сменялась дезурбанизацией, что было связано с относительно слабой миграцией крестьян в города при сложности смены сословия. Активную урбанизацию сдерживали освоение окраин, запаздывание в России промышленной революции, сельская передельная община, гарантировавшая каждому работнику участок земли⁴. Важно также, что урбанизация имела рассеянный характер — иными словами, “истинные города”, как называл их Семенов-Тян-Шанский⁵, представляли собой множество сельских поселений.

Первые признаки начальной крупногородской стадии заметны после реформ 1860-х годов, когда большие и средние центры стали расти быстрее малых городов. О признаках урбанизации говорило и большое число крестьян, живших в городах, хотя часть из них в страду возвращалась в свои деревни. При этом по результатам переписи 1897 года в стране оказалось 12 млн горожан, т.е. около 13% всего населения страны. Подсчеты А.В. Чаянова показывали, что около трети российского крестьянства составляли “лишние руки”⁶. Избыточное сельское заселение при слабом развитии городов, кроме двух столиц, было характерно для всей Центральной России.

Главным вызовом для сельской местности в первой половине XX века стала форсированная индустриализация. Несмотря на новое закрепощение крестьян и отсутствие у них паспортов, это форсировало урбанизацию, в том числе благодаря оргнабору в колхозах на городские предприятия. Люди переезжали в города, используя службу в армии, обучение, неформальную занятость. Это постепенно опустошало многие перенаселенные в начале XX века староосвоенные сельские районы.

Стадия крупногородской урбанизации, хотя и прерывалась кризисными периодами во время социальных катастроф, продолжалась до 1980-х годов. В этом плане Россия отставала от многих европейских стран, где еще в середине XX века привлекательность крупных центров стала снижаться, постепенно росли сначала средние, потом малые города, а часть населения начала перебираться в сельскую местность. Но в начале 1990-х годов кризис, продовольственные проблемы в городах и ценовые шоки резко прервали урбанизацию в России. Деревни и малые города, где было легче с жильем, стали принимать мигрантов из бывших союзных республик и с окраин страны — правда, недолго. Со второй половины 1990-х многие из них потянулись в города, где была работа. “Маятник” откатился назад к урбанизации⁷, когда мигрантов вновь начали привлекать крупные центры. При этом малые города и особенно сельская местность в 2010-х годах катастрофически проигрывают крупным и крупнейшим городам (Рисунок 1).

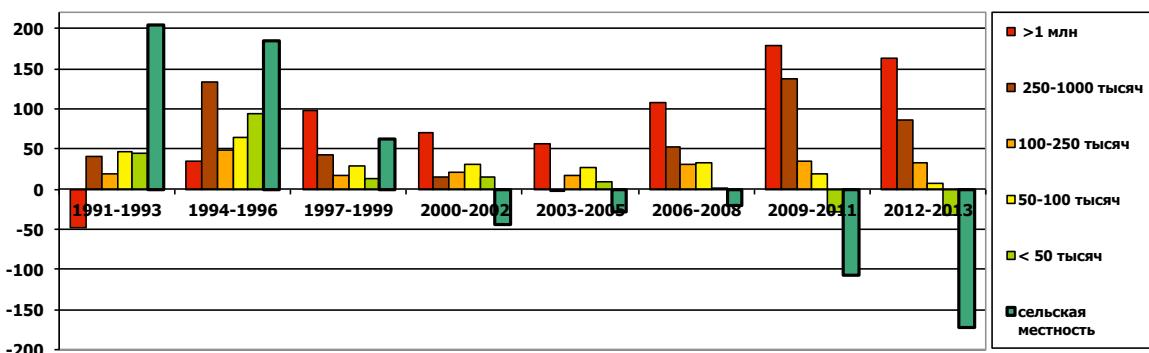
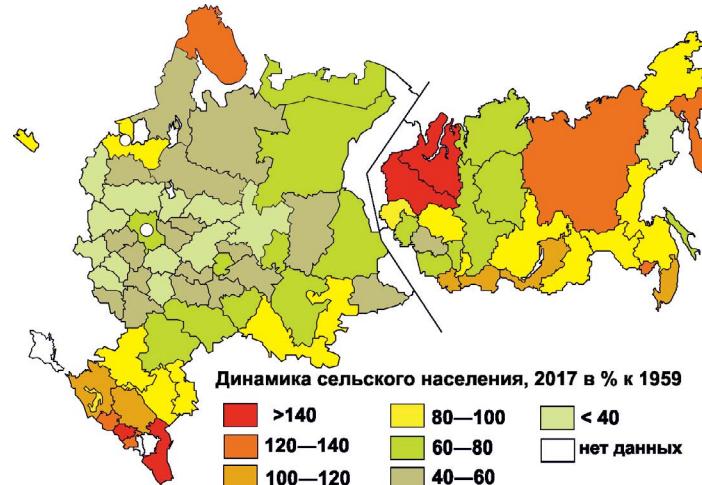

Рисунок 1. Миграционная привлекательность городов разного размера и сельской местности, по трехлетиям с 1991 года, тыс. человек в год (данные паспортов городов)

В результате самыми проигравшими оказались перенаселенные прежде сельские регионы Центральной России (Рисунок 2), потерявшие более половины своего населения. А если учесть миграции сельских жите-

лей внутри регионов из удаленных поселений в пригороды ближе к крупным центрам, то наиболее сложная ситуация складывается на периферии регионов, где население уменьшилось в несколько раз.

Рисунок 2. Динамика сельского населения во второй половине XX — начале XXI веков. Численность населения в 2017 году в % к уровню 1959 года

Примечание. На рисунках 2–11 справа — обширная азиатская часть России с большими по площади субъектами РФ, слева — европейская, увеличенная для того, чтобы можно было увидеть различия между регионами.

Урбанизация в России не завершена. Более того, процесс переселения в города продолжается в результате общей политической централизации власти и финансов, концентрации рабочих мест в больших горо-

дах и агломерациях, что оказывает влияние на многие процессы в сельской местности. Это видно по современным миграциям сельского населения (Рисунок 3).

Рисунок 3. Внутрироссийские миграции сельского населения в среднем за 2011–2015 годы⁸

Кто живет в сельской местности и где именно

Исследования разных регионов России показывают, что функции опорного каркаса расселения могут выполнять центры разного размера. Например, в Нечерноземье в позднесоветское время центрами сельскохозяйственных предприятий с необходимым набором социальных услуг были населенные пункты с числом жителей от 200 до 500 или до 1000 человек. В постсоветское время в связи с кризисом сельского хозяйства и оттоком населения из этих регионов такие села среднего размера стали терять “местообразующую” функцию, ее сохраняли лишь более крупные. В целом для современной России можно с определенной долей уверенности говорить об относительно большей устойчивости сельских населенных пунктов (СНП) размером выше 1000 человек. Тем более что Федеральный закон “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации” именно им рекомендует образовывать самостоятельный муниципалитет⁹. Главный тренд изменения структуры СНП во второй половине XX — начале XXI веков — рост числа и доли малых деревень

и концентрация жителей в крупных селах¹⁰ при уменьшении числа средних СНП и населения в них в основном за счет их перехода в группу малых.

Больше всего крупных сельских населенных пунктов на более плотно заселенном юге России. Там более половины сельского населения живет в станицах и селах размером выше 5 тыс. человек, а в селах более тысячи человек — 80%. В Нечерноземье крупных СНП больше в Московской и Ленинградской областях (Рисунок 4). Помимо южных и крупногородских регионов выделяются зоны нового освоения, в которых когда-то размер населенного пункта был важным фактором закрепления населения. В настоящее время это уже не сдерживает миграционный отток.

СНП с населением менее пятидесяти человек больше всего в регионах Нечерноземья с наиболее сильной депопуляцией. Сравнительно небольшое число жителей в большинстве здешних деревень связано со спецификой земледельческого освоения лесных территорий и мелкоконтурностью угодий. В советское время политика “ликвидации неперспективных деревень” усилила здесь отток из большинства деревень, кроме центральных усадеб колхозов и совхозов.

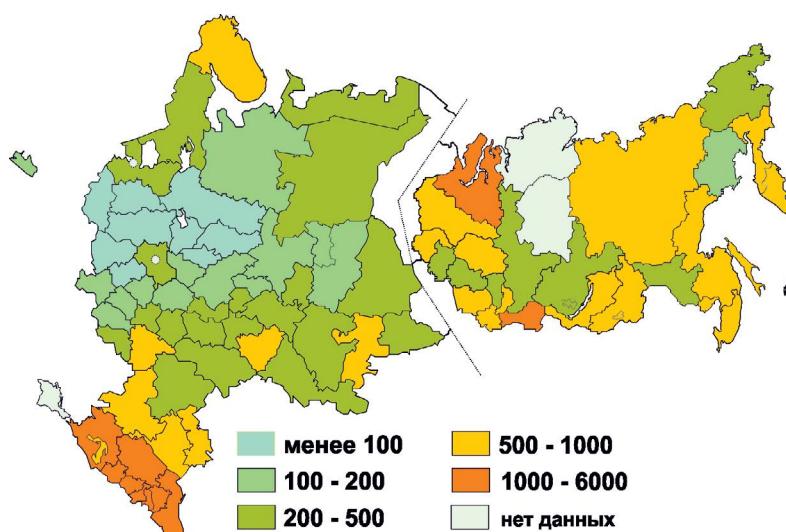

Рисунок 4. Средний размер сельских населенных пунктов в регионах, численность жителей. Источник: Всероссийская перепись населения 2010 года

Уменьшение сельского населения во многих регионах связано не только с отъездом в города, но и с демографическим перекосом в сторону старших возрастов, низкой рождаемостью и повышенной смертностью. Это косвенно указывает на деградацию социальной среды в тех районах, из которых в течение

нескольких поколений происходил отток молодой и наиболее активной части сельских жителей (Рисунок 5). В таких районах из-за ранней смерти, в том числе от алкоголизма, и отъезда мужчин население представлено в основном пожилыми женщинами (Рисунок 6).

Рисунок 5. Соотношение рождаемости и смертности населения в среднем за 2014–2016 годы. Источник: данные Росстата

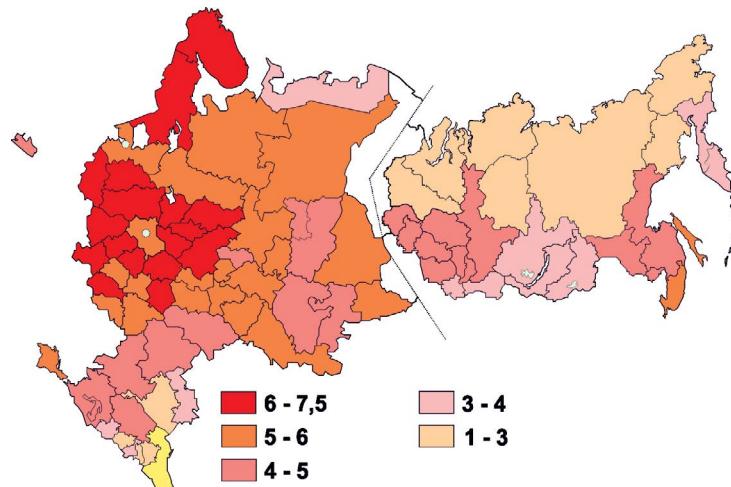

Рисунок 6. Превышение среднего возраста женщин над возрастом мужчин (цифры обозначают разницу в возрасте, <лет>, в 2015 году). Источник: данные Росстата

Наиболее благоприятные перспективы имеют три типа регионов: 1) Московская и Ленинградская области, где приток мигрантов заметно перекрывает убыль стареющего населения (здесь живет 2 млн сельских жителей); 2) Краснодарский край, а также Самарская, Калининградская области и ставшие в послед-

нее время привлекательными для мигрантов Калужская, Ярославская области и Крым (еще 4,5 млн); 3) северокавказские и восточные республики, где естественный прирост все еще превышает миграционную убыль (5,5 млн). Ареалы с наиболее уязвимым типом расселения, где сочетание отрицательного

миграционного баланса и естественной убыли дает синергетический эффект, включают в себя северные регионы (Магаданскую область на северо-востоке, а в европейской части страны — от Карелии и Архангельской области до Кировской) и большинство регионов, окружающих Московский столичный регион (от Тверской до Костромской к северу, от Московского региона и от Брянской области до Тамбовской и Ульяновской к югу и востоку). В таких регионах живет 14 млн сельских жителей.

Сильное влияние на экономическое состояние и социальные процессы в сельской местности оказывают города. Плотность населения в Нечерноземье от пригородов¹¹ к периферии падает в 5-10 раз¹², в том числе из-за массового отъезда из глубинки молодежи¹³. При этом традиционная сельская культура исчезает в Нечерноземье и в пригородах, и на периферии: рядом с большим городом есть кому ее преобразовывать, на периферии регионов — некому сохранять.

В южных регионах с более плотным расселением города тоже стягивают сельское население в пригороды, хотя и в меньшей сте-

пени. Концентрация населения в пригородах характерна для востока страны, особенно для республик с запаздывающей урбанизацией.

Чем живут люди на селе

Новые институциональные условия, уменьшение дотаций сельскому хозяйству, появление конкуренции вызвали расширение и углубление очагов сельской депрессии. Хотя подъем сельского хозяйства в 2000-х годах по объему валовой продукции почти восполнил потери 1990-х, он был регионально выборочным и сопровождался сокращением поголовья скота и посевных площадей. Недееспособные предприятия, долгие годы сидевшие в СССР на больших дотациях, закрывались, а более эффективные получили стимулы развития — правда, часто с изменением специализации. Это привело к усилиению поляризации сельского пространства: сельское хозяйство “сдвинулось” в южные и пригородные районы, где агропроизводство обеспечено природными и трудовыми ресурсами (Рисунок 7).

Рисунок 7. Изменение вклада регионов в сельскохозяйственное производство в 2016 году по сравнению с 1990 годом.
Источник: данные Росстата

Известно, что в советское время во многих отраслях наблюдалась повышенная трудоемкость. При очень низкой производительности труда предприятия испытывали дефицит работников. Наряду с ликвидацией части сельскохозяйственных предприятий,

модернизация выживших и появление агрохолдингов резко снизили официальную занятость в сельском хозяйстве. Агрохолдинги, особенно занимающиеся птицеводством и свиноводством, и другие крупные сельскохозяйственные предприятия в последние

годы вытесняют как малых производителей, так и предприятия среднего звена (в том числе птицефабрики) и, главное, не взаимодействуют с ними¹⁴.

Сокращение занятости в сельском хозяйстве привело к тому, что в нем работает лишь 20% всех официально занятых в сельской местности, в том числе 7% в растениеводческих и 13% в растениеводческо-животноводческих предприятиях. Зависимость сельской местности от крупных хозяйств, возникшая еще в советское время, и слабое развитие малого бизнеса привели к тому, что даже в южных районах сельскохозяйственные “моно-села” при сильном сокращении занятости составляют не меньшую проблему, чем моногорода, которым в последнее время уделяется много внимания. Большая часть официально занятых селян работает в бюджетной сфере.

Реальная безработица в сельской местности превышает уровень городской. Однако большая часть сельских безработных не регистрируется в службе занятости, поскольку распространены сезонные работы и неформальная занятость, в том числе временный отход на работу в города¹⁵.

В 2010 году перепись населения выявила, что в среднем более половины трудоспособных сельских жителей работают за пределами населенного пункта проживания, хотя в основном в своем регионе. На дальние расстояния в другие регионы с недельным, месячным и более длительным ритмом, по данным Росстата, ездят около одного миллиона отходников. По мнению многих экспертов, оценки масштабов временной трудовой миграции занижены.

Особенно велика доля отходников в областях, окружающих Московскую агломерацию (Рисунок 8): они составляют от 7% до четверти сельского населения регионов в трудоспособном возрасте, а в муниципальных районах, смежных с Московской областью, — более половины. Помимо отсутствия рабочих мест расширение отходничества связано с увеличением разрыва в заработной плате между Москвой и Московской областью, с одной стороны, и окружающими регионами, с другой. В ближайших к Москве областях с повышенной долей отходников с трудом удается заполнять вакантные места в бюджетной сфере и в сельском хозяйстве¹⁶.

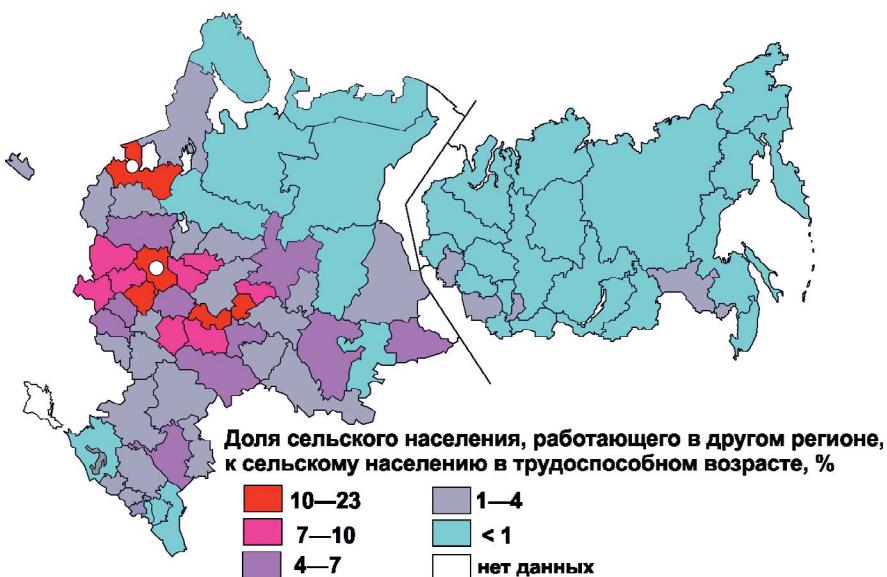

Рисунок 8. Интенсивность трудовых миграций из сельской местности. Источник: Всероссийская перепись населения 2010 года

Альтернативой работе на крупных предприятиях мог бы стать малый бизнес, но сельское население оказалось не готово к такой перемене, что стало важным фактором низкой занятости. По данным последней сельскохозяйственной переписи в России оказа-

лось всего 137 тыс. фермеров — крайне мало для страны, в которой насчитывается почти 18 млн личных подсобных хозяйств. В сельской местности индивидуальное предпринимательство встречается в торговле и в строительстве. А самозанятость, помимо личного

подсобного хозяйства, связана также со сбором даров леса и водоемов, а кроме того, с обслуживанием дачников.

В 1990-е годы доля личных подсобных хозяйств населения в производстве сельхозпродукции увеличилась с 25% до 50%. Однако это было связано не tanto с абсолютным ростом мелкого частного сектора, сколько с упадком крупных и средних предприятий. Особенно велика доля хозяйств населения в производстве картофеля, овощей, молока.

При низких зарплатах и недостаточной официальной занятости сельского населения самообеспечение продовольствием, казалось бы, должно играть большую роль там, где глубже кризис сельскохозяйственных предприятий, то есть в Нечерноземье. Однако в местах, откуда ушли предприятия, хозяйства населения тоже сворачиваются, отказываясь в том числе от животноводства, несмотря на обилие кормовых угодий (См. Рисунки 7 и 9).

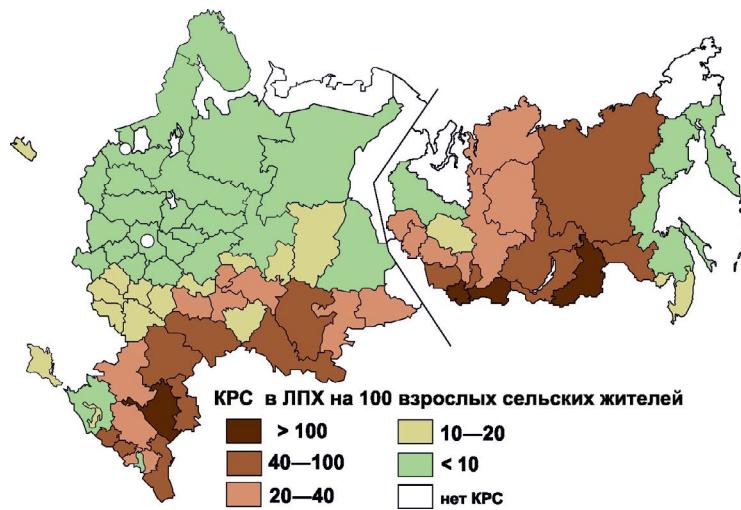

Рисунок 9. Поголовье крупного рогатого скота (КРС) в личных подсобных хозяйствах (ЛПХ) на 100 сельских жителей старше 15 лет, на 1.01.2017 года. Источник: данные Росстата

При том что институциональные и макроэкономические условия не слишком отличаются от региона к региону, сокращение числа личных подсобных хозяйств (ЛПХ) во многом связано с сильной депопуляцией. Она повлияла не только на количество, но и на качество человеческого капитала, зависящего от демографической структуры, активности сельских жителей и социальной среды. На этих территориях деятельность личных хозяйств, которыми занимаются люди преимущественно среднего и пожилого возраста, сводится к минимальному самообеспечению картошкой и овощами — и поставкам их же своим уже взрослым детям, которые уехали в города, но периодически приезжают помогать родителям. И даже сильное сокращение рабочих мест в сельской местности не стимулирует местное население к активизации своего хозяйства. Немногочисленные фермерские хозяйства в таких районах организуют преимущественно приезжие. Оставшееся в мень-

шинстве реально работоспособное население предпочитает трудиться на отходе или уезжает в города, в том числе стремясь убежать от деградирующей социальной среды.

Иная ситуация в южных регионах. Своебразным капиталом для личных подсобных хозяйств и в советское, и в постсоветское время стали ресурсы сельскохозяйственных предприятий. Натуральная оплата зерном и другими кормами для скота за работу и аренду земельных паев населения удерживали работников, даже если они не получали денежных выплат. Предприятия поддерживали свои кадры, предоставляя им ветеринарные услуги, технику для сенокошения за небольшую плату, а также возможность купить по сниженным ценам некоторые продукты и молодняк скота. Вместе с привычным воровством колхозного имущества и продукции это стимулировало индивидуальное животноводство, посадки картофеля на колхозных полях, специально выделяемых для мелких частных хозяйств¹⁷.

Отток населения из южных регионов был и остается гораздо меньше, и кроме того, они продолжают привлекать мигрантов, и эти факторы также повышают трудовую мотивацию в своем хозяйстве. На юге Европейской России главным ограничителем товарности личных хозяйств, в том числе животноводства, служит дефицит земли, за которую идет борьба между разными производителями. На менее населенном засушливом юго-востоке, где возможен и выпас, население держит больше крупного рогатого скота и особенно овец. Помимо трудовых, природных ресурсов и помощи агропредприятий на развитие животноводства в хозяйствах населения влияют национальные традиции, особенно в республиках (Рисунок 9).

С 2000 года уровень суммарных душевых доходов на селе ни разу не превысил двух третей от уровня городских домохозяйств¹⁸. В постсоветские годы отраслевые различия в оплате труда увеличились не в пользу сельского хозяйства, где зарплата составляет лишь половину средней по России. Региональные различия тоже существенны, тем более что в районах, где сельскохозяйственные предприятия переживают кризис, усилился фактор сезонности занятости, так что вне сезона работники, хотя и числятся официально,

получают символическую зарплату или не получают ее вовсе.

В сельской местности до 40% населения имеет доход ниже черты бедности, причем 2/3 бедных селян — это семьи работающих людей¹⁹. Это стимулирует миграционный отток из сельской местности, особенно на фоне привлекательного экранного образа больших городов.

В каких условиях живут люди на селе

Одна из главных бед российской сельской местности — отсутствие во многих регионах элементарной инфраструктуры: проезжих дорог, общественного транспорта, доходящего до населенных пунктов, подключения к сетям газо- и водоснабжения.

Сравнивать дорожную сеть России с западными странами неправомерно, но для отдельных регионов такое сравнение имеет смысл. До уровня Великобритании или Франции (более 1700–2000 км дорог с твердым покрытием на 1000 кв. км территории) не дотягивает ни один регион России. А с США в целом могут, помимо Московской и Белгородской областей, сравниться разве что Краснодарский край и Татарстан (Рисунок 10).

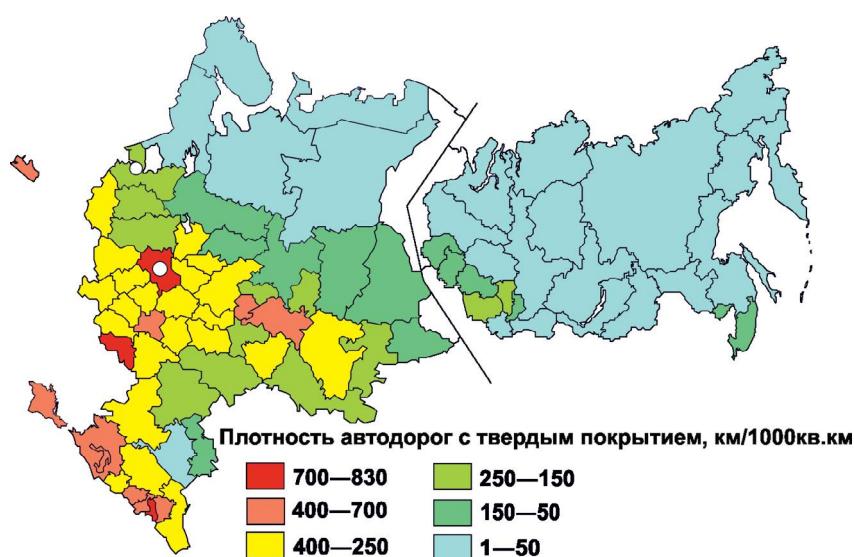

Рисунок 10. Плотность автодорог с твердым покрытием.
Источник: данные Росстата

Проведенная в 2016 году сельскохозяйственная перепись выявила, что только 41% сельских домохозяйств подключены к сетям газоснабжения, а к сетям водоснабжения 45%²⁰. При этом между гораздо лучше обустро-

енным югом, включая республики Северного Кавказа, и инфраструктурно запущенными Нечерноземьем и востоком страны по этим показателям существуют огромные различия (Рисунок 11).

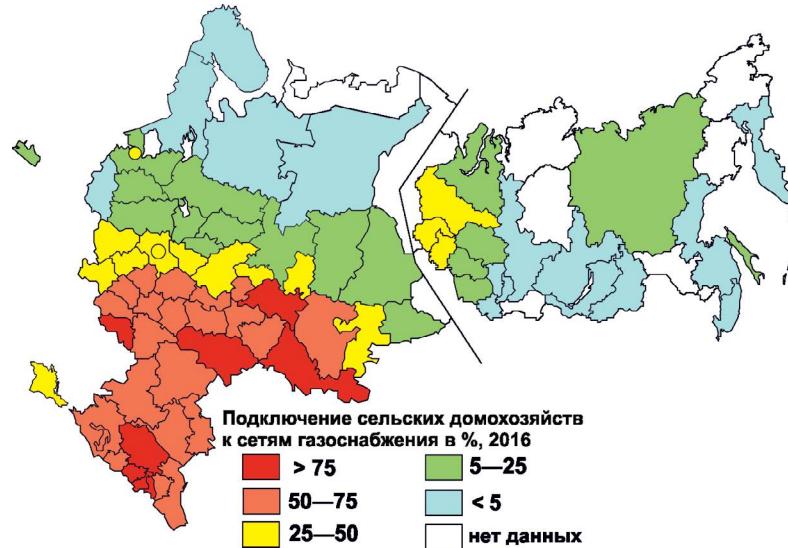

Рисунок 11. Обеспеченность сельских домохозяйств сетевым газом, в %²¹.

Зато почти в каждом сельском доме есть телевизор, который, правда, принимает в лучшем случае два канала: Первый и “Россия-1”; их информация и формирует представления селян. Остальные массовые каналы могут принимать лишь от 8 до 30% сельских жителей. Треть сельских домохозяйств использует печное отопление. Правда, одновременно расширяется применение автономных источников теплоснабжения (32% индивидуальных хозяйств) и водоснабжения (29%)²², однако они чаще встречаются в пригородах крупных центров. К мобильной сотовой связи подключены 76% сельских домохозяйств, а к интернету лишь 24%²³. Значение этих факторов быстро растет, особенно для молодежи, которая не желает жить в таких условиях.

По уровню обустройства от сельской местности недалеко ушли многие малые города, облик которых с деревянными домами и огородами мало отличается от сел. Степень “сельскости” российских городов хорошо выявляется с помощью показателя обеспеченности жилого фонда канализацией. Чем город крупнее, тем лучше его городское обустройство, хотя есть и исключения (новые небольшие города). Свыше 90% жилого фонда с канализацией имеют города с населением

свыше 250 тыс. жителей.

Поскольку сельская низкоэтажная застройка занимает гораздо больше площади, чем многоэтажки, то степень обустройства малых городов влияет и на облик города, и на стиль жизни “горожан”²⁴. При том, что городское население России номинально составляет 74%, в городских условиях с элементарным обустройством живет не 74%, а всего лишь около 60% населения России²⁵, что примерно соответствует показателям Латинской Америки. Но главное, именно из “полугородов” и “недогородов” идет наибольший отток населения в большие города (Рисунок 12 на С. 11). В таких городах отмечается и наибольшее число отходников в крупные центры²⁶.

В то же время некоторые крупные южные и пригородные села с населением более 10–20 тыс. человек с многоэтажной застройкой в центре, сетевыми магазинами и т.п. дадут фору многим малым городам. Таким образом, в реальности мы имеем дело не с городами и сельской местностью, а с сельско-городским континуумом и постепенными переходами от типичных городов к классической деревне²⁷. Еще в большей степени феномен сельско-городского континуума проявляется в проникновении самих горожан в деревню.

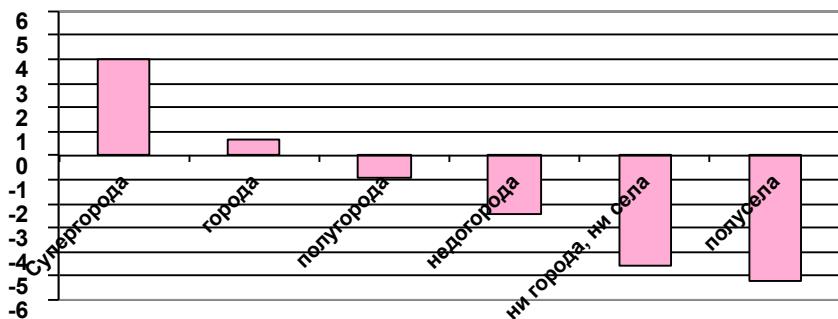

Рисунок 12. Миграционный баланс, человек в год на 1000 жителей, в городах РФ с разным типом благоустройства, в среднем за 2010–2013 годы

Дачники в сельской местности

Россияне давно нашли способ совмещать достоинства жизни в большом городе и в сельской местности. Субурбанизация западного типа, когда люди из крупных городов перебираются в пригороды или более удаленные сельские районы на постоянное место жительства, в том числе и благодаря тому, что в этих районах возникают новые возможности для заработка и создается инфраструктура, в нашей стране выражена слабо. Теснота городских квартир и в то же время боязнь их потерять стимулируют россиян к жизни на два дома — в городе и на даче.

Регулярные миграции жителей городов на дачи и жизнь между городом и деревней — явление для России давнее, весьма типичное и, главное, очень массовое. Число участков в садоводческих (СНТ), дачных (ДНТ), огородных товариществах достигает 12,8 млн. С некоторой условностью к ним можно добавить еще 6 млн участков при индивидуальном жилищном строительстве, в том числе в коттеджных поселках горожан, а также участки тех горожан, которые вышли из СНТ и ДНТ²⁸. Это сопоставимо с общим числом личных подсобных хозяйств всех сельских жителей (около 18 млн).

Дача в России — это и отдых горожан, испытывающих ностальгию по природе и своему саду, и особый тип собственности с вложением капитала и с большей свободой обустройства, чем в городе. Это и специфическая сельскохозяйственная деятельность на своей земле²⁹. И все же это единый фено-

мен, для которого нет другого термина, кроме “дачи”, хотя чиновники с поразительным упорством дачи игнорируют, а рассматривая рекреационные возможности развития сельской местности, говорят в основном о туризме.

Дачи очень разнообразны. Наиболее массовые — садоводческие и дачные товарищества, данные о которых публикуются в том числе в сельскохозяйственных переписях. Общая численность горожан, так или иначе связанных с ними, оценивается в 30–35 млн человек. Гораздо сложнее изучать неорганизованных дачников, даже в пригородах. А количество домов, которые горожане используют в деревнях как дачи, вообще неизвестно.

Разные типы дач (ближние и удаленные, в том числе курортные, дачи; дома, скученные в СНТ; дома в деревнях) отличаются не только местоположением, но и составом дачников, их занятиями, взаимоотношениями друг с другом и с местным населением, внешним видом домов и условиями жизни, ролью сельскохозяйственной деятельности.

Поскольку массивы садовых и дачных поселков, не зафиксированные на картах, могут включать до нескольких тысяч участков, горожане фактически формируют параллельную официальной сеть расселения в сельской местности. Например, в Московской области Дмитровский, Одинцовский, Наро-Фоминский районы концентрируют до 600 СНТ в каждом; Домодедовский, Подольский, Волоколамский — по 300–400 товариществ. При этом в каждом товариществе по сто и даже более участков. В летний

период в этих районах численность горожан в сельской местности — только в таких товариществах, без учета горожан в деревнях и коттеджных поселках, — превышает число жителей среднего, а порой и большого, хотя и рассредоточенного, города. Некоторые живут на дачах и в осенне-зимний период, оставляя свои городские квартиры детям или сдавая их в аренду. Вместе с сотнями тысяч мигрантов трудовых мигрантов, курсирующих ежедневно между Москвой и областью, они создают пульсирующие по сезонам года и дням недели пространственные структуры с непостоянным населением. В частности, из-за дачников и трудовых мигрантов различия в численности населения Москвы в зимний будний день и в летний выходной достигает

5 млн человек³⁰.

Садоводческие и дачные товарищества, как и коттеджные поселки, выходят и за пределы Московской области. Их участки, разделенные на квадраты, хорошо видны на космических снимках, особенно если массивы находятся вне населенных пунктов. Но это всего лишь половина или чуть более всех СНТ. Если условно принять, что в летний сезон на участке находятся хотя бы два человека, то в ряде муниципальных районов даже за пределами Московской области число горожан в сельской местности только в СНТ и ДНТ и только вне населенных пунктов вполне сопоставимо и даже превышает численность местного сельского населения (Рисунок 13).

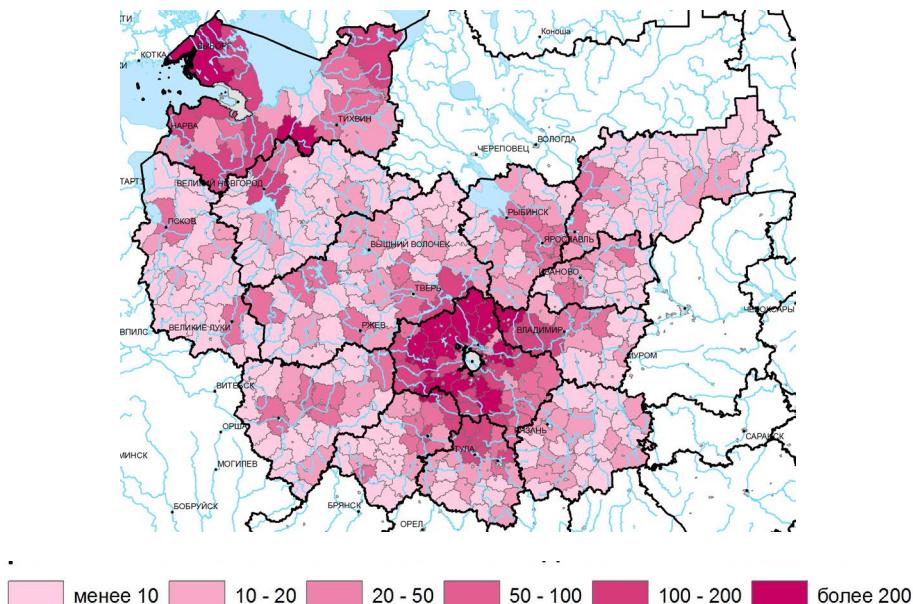

Рисунок 13. Отношение числа горожан в сельской местности в садовых и дачных товариществах и коттеджных поселках за пределами сельских населенных пунктов к численности местных сельских жителей, в %, по муниципальным районам Центральной и Северо-Западной России. Рассчитано Нефедовой Т.Г. по данным Росстата и А.А. Медведева, полученным при дешифрировании космических снимков³¹

Большинство организованных поселков дачников тяготеют к пригородам и транспортным магистралям, расходящимся от Москвы и Санкт-Петербурга. Многие из них расположены по берегам рек или озер. При этом вокруг могут быть распаханные поля и даже животноводческие комплексы. Поэтому все большую популярность приобретают дачи в деревнях, в том числе удаленных; ареалы распространения дач расширяются. На пери-

ферии Смоленской, Ярославской, Костромской и других областей в районах с живописными ландшафтами, иногда удаленных от Москвы и Санкт-Петербурга на 500–700 км, число горожан летом вне центров поселений может превышать численность местного сельского населения³². Особенно много таких дач в деревнях между столицами³³.

Рекреационное использование дач приходит в Нечерноземье на смену умирающему

сельскому хозяйству. Горожане, которые покупают дома в небольших деревнях и используют их как дачи, выполняют очень важную функцию. Они сохраняют малые деревни, а тем самым освоенность территории и сложившуюся сеть сельского расселения. Опросы дачников показали, что горожане обеспечивают занятость части местного населения, поручая им работы по ремонту, кощению травы на сравнительно больших участках, охрану домов зимой и т.п. Они поддерживают налогами местные бюджеты и в целом создают новую социальную среду, способствующую тому, чтобы какая-то часть молодежи оставалась в деревне³⁴.

Столь мощные сезонные перемещения миллионов людей на сотни километров, хотя они и не очень нравятся местным властям, привыкшим иметь дело со "своим" населением и конкретными полномочиями, необходимо по крайней мере фиксировать в статистике. А в идеале финансирование социальной и дорожной инфраструктуры должно учитывать численность не только постоянного, но и мобильного населения.

Общероссийская и региональная специфика современной сельской местности

У сельской местности есть свои исторические, демографические, экономические, географические особенности. Это связь человека с природой и умение выжить в сложных условиях, в том числе с помощью своего хозяйства и на "подножном корму". Это повышенная инерционность и выраженная идентификация себя с соседскими и родственными сообществами, зависимость от них. Поэтому активным горожанам-дачникам, которые пытаются проводить в деревне длительное время, довольно трудно вписаться в местное сообщество. Либеральные ценности выражены здесь слабее, даже у местной интеллигенции. Большинство сельских жителей и по прошествии четверти века ностальгируют по позднесоветским колхозам, когда и работа была, и ощущение общего дела, а за продуктами можно было съездить в город. Тем не менее повышенная адаптивность, приспособляемость все еще характерна для деревни. Люди ворчат, говоря, что они никому не нужны, что про них забыли, но пока готовы терпеть. Нетерпеливые уезжают в города. Опросы населения показывают более высокий по сравнению с крупными городами уровень лояльности к власти и политическому режиму при таком же высоком уровне отчуждения от политической жизни страны и действий государства (Таблица 1). Это делает сельскую местность идеологической опорой власти. Централизация власти и отсутствие реальной поддержки малого бизнеса убивает остатки инициативы местных властей и населения.

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос: "Каких политических взглядов Вы придерживаетесь?" (в % от числа ответивших, возраст — до 29 лет); по данным всероссийских опросов "Жизненный мир — 2014"; "Сельская жизнь — 2015"³⁵.

	2014	2015
	Российская молодежь	Сельская молодежь
Левых (социалистических, коммунистических)	15,9	12,5
Правых (либеральных)	28,7	19,1
Патриотических, национальных	33,4	5,9
Монархических	7,5	1,6
Религиозных	8,6	2,7
Других	9,4	1,6
Затруднились ответить	15,9	53,5

Несмотря на наличие общих черт, процессы, происходящие в разных регионах, настолько различны, что невозможно говорить о некоей единой сельской местности России. Постсоветские институциональные и структурные изменения усилили поляризацию сельского пространства. Она связана с исторически сложившейся “затянутостью” населения и его сельского хозяйства в районы с неблагоприятными природными условиями, с редкой сетью больших городов, которые способны оказывать положительное влияние на развитие сельской местности. Еще одним фактором являются различия в инфраструктурной обустроенності, на которую меньше всего обращали внимание в Нечерноземье и на востоке страны. Разные историко-культурные и этнокультурные процессы в различных регионах России влияют на скорость урбанизации, уровень жизни и интенсивность миграций в города — трудовых и на постоянное место жительства.

Усилинию пространственной поляризации сельской местности способствуют и централизация бюджетной политики, лишающая регионы и муниципальные районы свободы распоряжения средствами, а также кампания по объединению поселений³⁶, уничтожающая путем концентрации школ, лечебных и других бюджетных учреждений остатки социальной инфраструктуры в деревнях. Это стимулирует отъезд в города даже тех, кто хотел бы жить в деревне, в частности семей с детьми³⁷.

В целом можно выделить несколько крупных макротипов регионов России, радикально отличающихся друг от друга по характеру развития сельской местности.

Зона южных регионов, занимающая около 12% территории России, весьма перспективна для развития сельского хозяйства, привлекательна для мигрантов и сохраняет относительную устойчивость сельского населения.

Южные равнинные черноземные регионы европейской части России характеризуются повышенной плотностью сельского населения, проживающего в крупных населенных пунктах. Здесь работают и отдельные предприятия — бывшие колхозы и совхозы, и агрохолдинги, и фермеры, и личные хозяй-

ства; сюда приезжают сезонные арендаторы земель из Средней Азии. В результате модернизации сельского хозяйства и изменения специализации с переходом на менее трудоемкое растениеводство в условиях неразвитости сервисных отраслей и переработки сырья здесь возникла сельская перенаселенность. Это стимулирует урбанизацию и трудовые миграции в другие регионы.

Более засушливые южные регионы Поволжья и Западной Сибири также играют важную роль в продовольственном обеспечении страны и экспорте зерна; здешнее население отличается активностью и, в частности, готово заниматься и животноводством в личных хозяйствах. В этих регионах растет отток местного сельского населения в города, но при этом они сохраняют привлекательность для внешних мигрантов.

Северокавказские республики — это особый мир с активным населением, его наивысшей плотностью и большой долей молодежи. Здесь развиты самые разные виды неформальной занятости, преимущественно в строительстве и торговле. Эти процессы происходят на фоне повышенной официальной безработицы и сохраняющегося традиционного мелкого частного сельского хозяйства, при том что крупные предприятия здесь практически исчезли.

Совсем иная ситуация в *Нечерноземье*, где к сокращению населения, начавшемуся еще в советское время, добавилось сворачивание сельскохозяйственной деятельности. Здесь в отдельных очагах работают либо филиалы крупных пригородных предприятий, либо отдельные энтузиасты. Это территории с накопленными итогами депопуляции, разрушающейся сетью малых и средних населенных пунктов, где главным ограничителем развития служат местные трудовые ресурсы и социальная среда. Но не везде. Внутрирегиональные различия здесь сильнее межрегиональных, а зона влияния городов на расселение и сельскую экономику зависит от размера города. Малые исторические города также теряют население и переживают депрессию. В последние десятилетия эти территории даже на большом удалении от крупных центров все больше приобрета-

ют рекреационно-дачное значение. А вслед за дачниками приходит и бизнес, но небольшой, в том числе с очагами сельского хозяйства нового типа. При этом горожане-дачники поддерживают сеть расселения. Именно поэтому важно сохранить здесь элементарную инфраструктуру, чтобы не допустить окончательного опустынивания староосвоенных территорий, среди которых есть немало очагов культурного наследия.

Оба столичных региона (Московскую и Ленинградскую области) трудно считать сельскохозяйственными, хотя по объему производства молока, мяса, овощей они значительно превосходят окружающие нечерноземные регионы с большими площадями неиспользуемых земель. При повышенной плотности и положительном миграционном приросте сельского населения занятость в сельском хозяйстве здесь не приоритетна. Крупные агрохолдинги с высоким уровнем механизации часто используют мигрантов, а также земли в других регионах. Есть и фермерские хозяйства, сумевшие проникнуть на столичные рынки. Сельскохозяйственные и лесные угодья пригородов сжимаются особенно быстро при расширении жилой и дачной, логистической и промышленной застройки.

Регионы, *переходные от Нечерноземья к Черноземью, к югу и юго-востоку от Московской области*, при относительно благоприятных природных предпосылках для агропроизводства характеризуются повышенной долей несельскохозяйственной занятости. Они продолжают терять молодое и трудоспособное сельское население, хотя их убыль частично восполняется мигрантами.

В восточных регионах России — от Томской области до юга Дальнего Востока — сельское население продолжает сокращаться, как и их доля в посевной площади РФ, хотя отдельные ареалы благоприятны для сельского хозяйства и жизни населения.

И наконец, *северные и восточные малонаселенные регионы* — это обширная зона с очаговым промышленным освоением и рассеянным традиционным хозяйством разных народностей, занимающая почти половину территории страны.

Главное — не допускать унификации подходов в разных субъектах РФ и разных муниципальных районах, учитывать их природные, социально-демографические и экономические преимущества и ограничения.

Примечания

- 1 Путешествие из Петербурга в Москву. 222 года спустя/ Книга 1. Два столетия российской истории между Москвой и Санкт-Петербургом/ Под. ред. Т.Г. Нефедовой, А.И. Трейвиша; Книга 2. Путешествие из Петербурга в Москву в XXI веке (по итогам экспедиции 2013 года)/ Под ред. Нефедовой Т.Г., Аверкиевой К.В. М.: URSS-ЛЕНАНД, 2015.
- 2 Фет А. Жизнь Степановки, или Лирическое хозяйство. М.: Новое литературное обозрение, 2001.
- 3 Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2017 года. М.: Федеральная служба государственной статистики (Росстат), 2017.
- 4 Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. В трех томах. Том 1. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский Государственный Университет, Санкт-Петербургский институт истории РАН. 2014. С. 839–845.
- 5 Семенов-Тян-Шанский В.П. Город и деревня в Европейской России. Очерк по экономической географии с 16 картами и картограммами. СПб: Типография Киршбаума, 1910.
- 6 Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. М.: Экономика. 1989.
- 7 Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Перестройка расселения в современной России: урбанизация или дезурбанизация? // Региональные исследования. 2017. № 2 (56). С.12–24.
- 8 Нефедова Т.Г., Мкртчян Н.В. Региональные различия размещения и прогноза трудовых ресурсов сельского хозяйства России // Проблемы прогнозирования. 2018. № 1.
- 9 Вайнберг Э.И., Глазер О.Б. Пространство жизнедеятельности населения и расселение как факторы и условия модернизации России // Регион: экономика и социология. 2013. № 3(79). С. 21–38.
- 10 Зубаревич Н.В. Трансформация сельского расселения и сети услуг в сельской местности// Известия РАН, Сер. геогр. 2013. № 3. С. 26–38.
- 11 Пригородными считаются муниципальные районы, непосредственно примыкающие к городу. В Московской области к пригородным отнесены муниципальные районы 1–3 степени удаленности от столицы.

12 Нефедова Т.Г. *Кто прокормит российское население?* // Контрапункт. 2016, апрель. №3. URL: http://www.counter-point.org/nefedova_3/ (доступ 05.02.2018).

13 Каракурина Л.Б., Мкртчян Н.В. *Роль миграции в усилении контрастов расселения на муниципальном уровне в России* // Известия РАН, Сер.геогр. 2016 №5. С. 46–59.

14 Нефедова Т.Г. *Кто прокормит российское население?..*

15 Между домом и... домом. *Возвратная пространственная мобильность населения России* / Под ред. Нефедовой Т.Г., Аверкиевой К.В., Махровой А.Г. М.: Новый Хронограф. 2016. URL: <http://ekonom.igras.ru/data/bhah2016.pdf> (доступ 05.02.2018).

16 Там же.

17 Нефедова Т.Г. *Десять актуальных вопросов о сельской России. Ответы географа.* 2-е издание. М.: URSS, 2017.

18 Овчинцева Л.А. *Человеческий потенциал и развитие инфраструктуры сельских территорий* // Научно-методические основы устойчивого развития сельских территорий. Вып. 41. М.: ВИАПИ им. А.А. Никонова. 2015. С. 110–130.

19 Там же.

20 По данным Министерства сельского хозяйства РФ эти показатели выше. Уровень газификации сетевым газом в сельской местности (включая квартиры в многоэтажных домах) на 01.01.2017 составлял 59%, а обеспеченность питьевой водой (включая локальные водопроводы) — 64%. См.: *О ходе реализации Федеральной целевой программы “Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года” в 2016 году*. М.: Росинформагротех. 2017.

21 Всероссийская сельскохозяйственная перепись 2016 года / Т. 2. *Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года по субъектам РФ*. М.: ИИЦ “Статистика России”. 2017

22 Всероссийская сельскохозяйственная перепись 2016 года / Т. 1. *Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года по Российской Федерации*; и Т. 2.

23 Там же.

24 По этому критерию можно условно выделить супергорода (более 99% жилого фонда обеспечено канализацией), обычные города с небольшой долей частного сектора (90–99% с канализацией), полугорода, где частный сектор занимает до половины территории (70–90% с канализацией), недогорода, имеющие преимущественно сельский облик с микрорайоном пятиэтажек (50–70%), непонятную категорию “ни город, ни село” (20–50%) и, наконец, маленькие городки, по облику — фактически сельская местность, с одним-двумя 3–5 этажными домами (менее 20% жилого фонда с канализацией).

25 Нефедова Т.Г. *Город и деревня в имперской, советской и современной России* // Мир России. 2018. Т. 27. № 1.

26 Плюснин Ю.М., Заусаева Я.Д., Жидкевич Н.Н., Позаненок А.А. *Отходники*. М.: Новый хронограф. 2013.

27 Между домом и... С. 40-61.

28 Всероссийская сельскохозяйственная перепись 2016 года... Т. 1

29 Если, по данным сельскохозяйственной переписи 2016 года, 79% личных подсобных домохозяйств обижаживали свои огороды и вели другую сельскохозяйственную деятельность, то в садоводческих товариществах выращивали овощи, картофель, многолетники 91% городских домохозяйств, в дачных товариществах и на индивидуальных участках — около 70%. Правда, в Московской области доля сельскохозяйственных культур невелика, более 2/3 участков в СНТ и ДНТ занимают постройки, цветы и газоны. А южнее, начиная с Центрального Черноземья, сельскохозяйственное использование участков горожанами гораздо интенсивнее.

30 Махрова А.Г., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. *Пространственные тенденции социально-экономического развития Московской агломерации* // Территория и планирование. 2012, № 4 (40). С.18–34; см. также: ДемоскопWeekly, 2012, август. № 517–518.

31 Между домом... С. 362–370

32 Там же. С. 283–437.

33 Путешествие из Петербурга в Москву...

34 Между домом... С.285–419.

35 Источник: *Смысли сельской жизни (опыт социологического анализа)* / Под. ред. Тощенко Ж.Т. М: Центр социального прогнозирования и маркетинга. 2016.

36 Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 29.12.2017) “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/8e7789f2a509dd82c4c382a19fb179e6162a2a41/ (доступ 05.02.2018).

37 Согласно Федеральному закону от 27.12.2009 (N 365-ФЗ), “Объединение двух и более поселений, не влекущее изменения границ иных муниципальных образований, осуществляется с согласия населения каждого из поселений, выраженного представительным органом каждого из объединяемых поселений”. Тем не менее наши исследования в разных регионах показали, что местные власти под давлением вышестоящих находят способы обойти это положение путем либо намеренно неполного информирования жителей, либо замены общего схода с голосованием общественными слушаниями, на которые приглашают бюджетников, зависимых от начальства, и т.п. При этом недовольство жителей сочетается с формулой “А что от нас зависит?”.